

УДК 821.113.6

Р.С. Ляпин

ЕКЗИСТЕНЦІАЛ «ЗАБОТА» В «СМИРЕННОЙ ПРОЗЕ» А. ПЛАТОНОВА

Анотація

Мета даної статті полягає в аналізі ідейно-художніх особливостей «смиреної прози» А. Платонова в контексті екзистенціалу М. Хайдеггера «турбота» (*Sorge*).

Удослідженні застосовані герменевтичний метод для інтерпретації творчого світу прози письменника і трансдисциплінарний метод, який передбачає розгляд літературних творів з позиції знань з інших галузей гуманітаристики – фундаментальної онтології М. Хайдеггера і, зокрема, екзистенціалу «турбота».

Визначено, що в оповіданні «Такир» широко представлена *власна і невласна турбота*. *Невласна*, відповідно до філософії Хайдеггера, обумовлена диктатом розпоряджень пересічних безликих людей (*Man*), внаслідок чого в мотивації поведінки і почуттів герої виходять з обов'язку, терпіння й звички, забуваючи минуле і своє особливе *вміння бути*. *Власна турбота* як рух до знаходження себе розкривається в оповіданні в процесі дорослішання героїні, її поступового розуміння себе й усвідомлення необхідності радикальної відмови від диктату суспільства *Man*.

Проведено аналіз *дбайливості* як форми турботи, представленої трьома модусами: *індиферентним, дефективним і позитивним*. Показано, що переважаючими модусами дбайливості, ставлення до екзистенції інших як до спів-буття, в оповіданні «Такир» є *індиферентний і дефективний* модуси. *Позитивна дбайливість* в «смиренній прозі» Платонова реалізується в формі взаємин як чоловіка і жінки («Річка Потудань», «Повернення», «Такир»), так і батьків і їхніх дітей («Третій син», «Сухий хліб»), а також прийомних батьків та дітей («Юшка», «Житейська справа»).

Ключові слова: А. Платонов, М. Хайдеггер, екзистенціалізм, турбота, дбайливість, «смирненна проза».

Аннотація

Цель данной статьи заключается в анализе идейно-художественных особенностей «смирненной прозы» А. Платонова в контексте экзистенциала М. Хайдеггера «забота» (Sorge).

В исследовании применены герменевтический метод для интерпретации творческого мира прозы писателя и трансдисциплинарный метод, предусматривающий рассмотрение литературных произведений с позиции знаний, почерпнутых из других отраслей гуманитаристики – фундаментальной онтологии М. Хайдеггера и, в частности, экзистенциала «забота».

Определено, что в рассказе «Такыр» широко представлена *собственная и несобственная забота*. *Несобственная забота*, в соответствии с философией Хайдеггера, обусловлена диктатом распоряжений усредненных и безликих людей (Man), вследствие чего в мотивации поведения и чувств герои исходят из обязанности, терпения и привычки, забывая прошлое и свое особое *умение быть*. *Собственная забота* как движение к нахождению себя раскрывается в рассказе в процессе взросления героини, ее постепенном понимании себя и осознании необходимости радикального отказа от диктата общества Man.

Проведен анализ *заботливости* как формы заботы, представленной тремя модусами: *индифферентным, дефективным и положительным*. Показано, что преобладающими модусами заботливости, отношения к экзистенции других как к со-бытию, в рассказе «Такыр» являются *индифферентный и дефективный*. *Положительная заботливость* в «смирненной прозе» Платонова реализуется в рамках взаимоотношений как мужчины и женщины («Река Потудань», «Возвращение», «Такыр»), так и родителей и их детей («Третий сын», «Сухой хлеб»), а также приемных родителей и детей («Юшка», «Житейское дело»).

Ключевые слова: А. Платонов, М. Хайдеггер, экзистенциализм, забота, заботливость, «смирная проза».

Abstract

The purpose of this article is to highlight and characterize the ideological and artistic features of A. Platonov's "humble prose" in the context of M. Heidegger's existential "care" (*Sorge*).

The study uses a hermeneutic method for interpreting the art world of the writer's prose and a transdisciplinary one, which provides for an examination of literary works from the standpoint of knowledge from other branches of the humanities – M. Heidegger's fundamental ontology and, in particular, the philosopher's existential "care".

It is determined that in the story "Takyр" is widely represented *own* and *non-own* types of *care*. *Non-own care*, in accordance with Heidegger's philosophy, is due to the dictates of the orders of average and faceless people (Man), as a result of which, in the motivation of behavior and feelings, the characters proceed from duty, patience and habit, forgetting the past and their special *ability to be*. *Own care* as a movement towards finding oneself is revealed in the story in the process of the heroine's growing up, her gradual understanding of herself and awareness of the need for a radical rejection of the dictatorship of the Man society.

Solicitude as a form of care represented by three modes: *indifferent*, *defective* and *positive*. It is shown that the prevailing modes of *solicitude* in the story "Takyр" are *indifferent* and *defective* ones. *Positive care* in Platonov's "humble prose" is realized in the framework of the relationship between a man and a woman ("Potudan River", "Return", "Takyр"), parents and their children ("Third Son", "Dry Bread"), foster parents and children ("Yushka", "Life Business").

Key words: A. Platonov, M. Heidegger, existentialism, care, solicitude, "humble prose".

Введение

Исследование философии творчества Андрея Платонова началось с сопоставительного анализа идейно-художественных

установок писателя и теоретических положений русских космистов (Н.Ф. Федорова, В.И. Вернадского и К. Циолковского). К решению этой проблемы обращались такие ученые, как К.А. Баршт, Н.М. Ефимова, С. Семенова, А. Тески, Е. Толстая-Сегал и др.

Экзистенциальное направление в платоноведении сформировалось во второй половине 2000-х годов. Произведения Платонова, во-первых, рассматривались в контексте учений философов-экзистенциалистов (М. Эпштейн), во-вторых, изучались с точки зрения особенностей художественной интерпретации таких понятий, как «пограничная ситуация» (Л. Червякова, Н.А. Касавина), «отчуждение» (Ен УкКим), «абсурд» (И.В. Романовская, Л. Червякова) и др. Однако многие вопросы в рамках этого направления в настоящее время остаются нерешенными. К ним принадлежит, в частности, и проблема сопоставления фундаментальной онтологии М. Хайдеггера с идейными установками Платонова, актуализированная М. Эпштейном (2015).

По мнению Эпштейна, Федоров и Хайдеггер – «два философских полюса в творческих исканиях Андрея Платонова» (Эпштейн, 2015). Процесс становления писателя как мыслителя ученый называет движением от Н. Федорова к М. Хайдеггеру. В своей работе на материале повести «Котлован», романа «Чевенгур», а также некоторых более поздних произведений писателя он интерпретирует творческий мир Платонова, находя в нем идейно-художественные закономерности, которые коррелируют с философией М. Хайдеггера. В частности, характеризуя образы-персонажи из повести «Котлован», Эпштейн использует термин Хайдеггера «Dasein» (Эпштейн, 2015). В понимании немецкого философа «Dasein» означает «набросок», то есть никогда не завершенное бытие, представленное экзистенцией человека (его наличным существованием) и полем возможностей, главная из которых (смерть) всегда «присутствует» в перспективе (Хайдеггер, 2003: 77). «Присутствие» (Dasein в переводе В.В. Библихина) у Хайдеггера определяется через «всегда-мое». Оно может исчерпывающе реализовать свои возможности, «выбирая себя» (*собственным*, т.е. подлинным способом) или

«теряя себя» (*несобственным*, т.е. неподлинным способом). Исходя из этого, Эпштейн разделяет героев Платонова на «усредненных», «безликих» (Хайдеггер использует для них термин «Man») и людей «заочно живущих» (Эпштейн, 2015). Первые обладают *несобственным*, неподлинным существованием, не принимают активного «сознательного участия в проекте “мир”» (Фалёв, 2008: 71), не способны «найти себя» в мире «публичного истолкования» и бытийствуют в модусе «падающего бытия-к-смерти», то есть бегства от нее (Хайдеггер, 2003: 129). «Заочно живущие» понимают собственное существование как действие, «требующее постоянных усилий и смыслополагания» (Эпштейн, 2015). Неизбежность смерти (т.е. соприкосновения с Ничто) как возможности Dasein, присутствующей в каждый момент человеческой жизни, «заочно живущие» ощущают внутренней частью себя – «мертвым братом», «евнухом души», пустотой внутри тела (Эпштейн, 2015).

Прозу писателя в контексте хайдеггеровского экзистенциала «бытие к смерти» рассматривала также О.А. Глушенкова. Она пришла к выводу, что смерть переживается героями «Котлована» неподлинным способом: личный опыт смерти «через деконструкцию языка» преобразуется в общественный (Глушенкова, 2018: 48).

Таким образом, несмотря на то, что учеными уже были сделаны некоторые шаги в направлении сопоставления онтологии Хайдеггера с идеями А. Платонова, выделение и характеристика экзистенциалов Хайдеггера в прозе писателя, в частности экзистенциала «забота» (Sorge), остается актуальной исследовательской задачей, требующей решения.

Материалом для рассмотрения хайдеггеровского экзистенциала «забота» у А. Платонова служат произведения последнего периода его творчества (30-40-е гг.) – так называемая «смиренная проза» писателя. В это время, согласно Н.В. Пенкиной, Платонов рассматривает общефилософские вопросы любви, жизни и смерти (Пенкина, 2012: 9). По мнению М. Эпштейна, именно «смиренная проза» в идейно-художественном плане наиболее соответствует хайдеггеровской философской концепции (Эпштейн, 2015).

Методология и методы исследования

В исследовании применен герменевтический метод для интерпретации творческого мира прозы писателя и метод трансдисциплинарного анализа, предусматривающий рассмотрение литературных произведений с позиции знаний из других отраслей гуманитаристики – фундаментальной онтологии М. Хайдеггера и, в частности, экзистенциала «забота».

Результаты и дискуссии

Экзистенциальная структура Dasein представлена модусами бытия, или «бытийными чертами присутствия» – экзистенциалами (Хайдеггер, 2003: 29). Экзистенциал «забота» как «онтологическое структурное понятие» трансцендентен и первичен по отношению к Dasein: «Забота как структурная целость лежит экзистенциально-априорно “до” всякого присутствия, т.е. всегда уже во всяком фактичном “поведении” и “положении” такового» (Хайдеггер, 2003: 100). А.Г. Куницын называет ее деятельным началом присутствия, «направленным не на разрушение Самости, а на ее сохранение и развитие» (Куницын, 2017: 82).

Как «бытие к своему особому умению быть» забота дает «свободу для собственных экзистенциальных возможностей». Благодаря свободе у человека появляется возможность осуществлять свое бытие «собственным» (раскрывая свои экзистенциальные возможности) и «несобственным» способом, т.е. существовать *безвольно* и «быть отданным распоряжению *людей*» (Man) (Хайдеггер, 2003: 100).

По Хайдеггеру, существует два бытийных способа выражения заботы: *озабочение* и *заботливость*. *Озабочение* определяется философом как «усматривающее обращение с внутримирно подручным» средством (все предметы и явления, с которыми «имеет дело» человек, «нечто для того, чтобы...») (Хайдеггер, 2003: 66). *Заботливость* характеризует отношения человека с другими людьми. «“Заботливость” как фактичное социальное установление основана в бытийном устройстве бытия присутствия как со-бытия» (Там же). Хайдеггер выделяет три способа заботливости: *позитивный* («быть друг за друга»), *дефективный* («быть друг против друга,

без друга»), *индифферентный* («проходить мимо друг друга, не иметь дела друг до друга») (Хайдеггер, 2003: 66). Последние два способа заботливости (дефективная и индифферентная), по мнению Хайдеггера, «характеризуют повседневное, усредненное бытие друг с другом» (Там же).

Собственный и *несобственный* модусы заботы широко представлены в рассказе Платонова «Такыр» (1934). Преобладающими способами заботливости как ее бытийного способа выражения в «Такыре» являются *дефективный* и *индифферентный*.

В данном произведении описывается жизнь кочевых басмачей в пустыне Туркменистана. Порядки и правила этого племени, безликого множества Ман, исключают подлинную, *собственную* заботу. В мотивации своего поведения и своих чувств герои исходят из обязанности, терпения и привычки. Так, героиню рассказа, персиянку Заррин-Тадж, продали вождю кочующего племени Атах-баба. Узнав об этом, «Заррин-Тадж заплакала. Она была беременна второй месяц от курда-пастуха, потому что ей *надо было* (здесь и далее курсив наш. – Р.Л.) любить хотя бы одного человека» (Платонов, 2011: 291). В подобном ключе описывается семейная жизнь предводителя племени и его новой наложницы: «Атах любил ее угрюмо и серьезно, как обычную *обязанность*, зря не мучил и не наслаждался. <...> Заррин-Тадж лежала и думала, что муж – это добавочный труд, и *терпела* его» (Платонов, 2011: 292-293).

Для героев характерно *озабочение* обязанностями, бытовыми делами, супружеским долгом. В их мире любовь понимается не как свободное чувство, приносящее радость и удовлетворение, а как вынужденная, утомительная, мучительная и неизбежная необходимость, тягостная работа, которую нужно терпеливо выполнять. Такая форма любви лучше всего соотносится с «индифферентной» заботливостью: герои не проходят мимо друг друга только из-за строгих порядков басмачей и собственного безвольного положения.

Индифферентную заботливость Атах-баба проявляет не только по отношению к своим наложницам, но и по отношению ко всему

кочевому племени, которое он возглавляет. Он бросает умирающую Зарин-Тадж и готов отказаться от всех остальных людей в пользу спокойного и безбедного существования. Вот что он говорит Зарин-Тадж, когда та медленно и мучительно умирает: «Скажи там, пожалуйста, богу, тебе все равно, ты ведь мертвая, – скажи там, чтоб я один остался на свете! Овец стало мало – онидохнут – я один с ними справлюсь, а люди пусть станут душами и живут у бога на небе, где ты будешь жить» (Платонов, 2011: 302).

Дефективная заботливость также присуща этому обществу, в частности, три наложницы Атах-баба избивают молодую Зарин-Тадж из зависти, что их хозяин уделяет ей больше внимания (Платонов, 2011: 293).

В условиях *индифферентной заботливости* и *озабочения* обычаями и порядками безликого общества Ман Зарин-Тадж забывает свое прошлое вплоть до рождения, а ее дочь Джумаль забывает, что такое «любить»:

«Я не знаю, когда *рожалась*, – сказала Заррин-Тадж. – Я уже давно была.

Она действительно не помнила отца и матери и не заметила, когда произошла жизнь: она думала, что так было вечно» (Платонов, 2011: 293).

«Джумаль не понимала, за что можно любить человека. Она помнила умершую мать и других женщин своего племени, – многие из них, когда умирал муж, смачивали водой яшмаки, чтобы иметь слезную влагу для сухих глаз» (Платонов, 2011: 305).

Примечателен платоновский язык: «рожалась», то есть рожала себя, несовершенный вид глагола подчеркивает процессуальность «рождения себя» как хайдеггеровского «бытия к своему особому умению быть» (Хайдеггер, 2003: 100).

Процесс «рождения себя», подлинной заботы-движения к собственному умению быть, показан, преимущественно с психологической стороны, в развитии образа взрослеющей девочки Джумаль. «Собственная» забота для Джумаль начинается со «страха рождения» и выхода из-за спины матери:

«Джумаль долго лежала за спиною у матери, свернувшись в комок от страха пережитого рождения [...] потом начала постепенно ходить самостоятельно и понимать свое существование» (Платонов, 2011: 296).

Именно способность «понимать свое существование», «вопросать о бытии», в философии Хайдеггера отличает бытие человека (присутствие) от бытия других живых существ.

По мере своего взросления Джумаль приходит к осознанию невозможности следовать императивной «молве» Ман и необходимости искать «свое умение быть» в одиночестве: «...Она теперь почувствовала, что ей настала пора жить одной, с нею нет никого, даже мать живет отдельно от нее – своим сердцем и своей неволей» (Платонов, 2011: 299). Героиня столкнулась с «индифферентной» заботливостью окружающих и приняла такой способ «повседневного и усредненного», несобственного бытия друг с другом. Желание «жить одной» сопряжено с поиском других способов быть с другими сообществами. По этой причине Джумаль не может больше находится с кочевниками, уходит в дальний край такыра и смотрит, как за ним открывается «новая земля» (Там же).

Кульминацией «рождения себя» как *подлинной заботы* для Джумаль становится ее *дефективная заботливость* по отношению ко всему сообществу кочевников – акт мести за рабскую, бедную и унижительную жизнь матери, за то, что у басмачей есть все, а у ее матери не было ничего. В результате мести героиня *вспоминает себя*, выходит из хайдеггеровского состояния «падающего присутствия», избегания себя и самозабвения (Хайдеггер, 2003: 96) и радикально избавляется от диктата *безликих людей*:

«Она решила, что если ее мать – рабыня лежит мертвая где-то, пусть погибают в песках и все эти свободные и богатые.

...Ударив по лошади, Джумаль поехала долгою рысью в пески, свежая от утреннего времени и *вспомнившая себя*, точно напившись росы» (Платонов, 2011: 308).

После совершения мести героиня покидает пустыню, живет в Ашхабаде и Ташкенте, заканчивает сельскохозяйственный институт

и, таким образом, приходит к собственной заботе как к «бытию к наиболее своей способности быть» (Платонов, 2011: 308).

Позитивная заботливость также присутствует в рассказе. Хайдеггер разделяет ее на две формы: *заменяюще-подчиняющую*, когда субъект заботливости решает проблемы и тяготы другого и таким образом может подчинить его своей власти, это «заменяющая, снимающая “заботу” заботливость», и *заступнически-освобождающую*, направленную не на «что» (проблемы и тяготы), а на другого (помочь другому быть свободным для собственной заботы, вернуть другому его умение быть) (Хайдеггер, 2003: 66).

Примечательно, что источником «позитивной заботливости» в рассказе в *заступнически-освобождающей* форме является человек не из племени кочевников – австриец-отшельник Катигроб. Он помогает Джумаль выжить в пустыне, раз в десять дней приносит брошенной всеми девушке еду и «заработанное добро». Позднее, в момент акта мщения, Джумаль обретает «собственную» заботу и окончательно освобождается от диктата Ман (Платонов, 2011: 308). В благодарность за помощь, оказанную ей на пути к собственной заботе и нахождению себя, Джумаль после окончания университета посещает башню, где она жила вместе Катигробом, которая стала для него могилой (Платонов, 2011: 309).

Заступнически-освобождающая заботливость в форме любви родителей к своим детям показана в рассказе «Третий сын» (1936): «...Давшая сыновьям обильную, здоровую жизнь, сама старуха оставила себе экономичное, маленькое, скупое тело...» (Платонов, 2011: 354). Мать, жертвуя собой, дала свободу сыновьям для реализации своей, особой заботы.

В рассказе «Юшка» (1935) главный герой, Ефим Дмитриевич, ежегодно передает все накопленные деньги сироте, которую он пожалел и поместил в пансион. Благодаря его помощи она заканчивает медицинский университет и, получив профессию врача, сможет реализовать себя в позитивной, заступнически-освобождающей заботливости о других (Платонов, 2011: 524-525).

Замещающе-подчиняющая заботливость представлена в рассказе «Река Потудань» (1936). В нем Никита Фирсов, вернувшись с гражданской войны, принимает на себя тяготы бедной жизни Любы: приносит половину своего обеда с работы, поддерживает огонь в ее доме, чтобы у нее была возможность заниматься при печном свете, делает гроб для ее подруги Жени и т.д. Люба полюбила Никиту, он «заместил» ей весь остальной мир, поэтому, когда Никита исчез, она пыталась покончить с собой (Платонов, 2011: 452-453). Таким образом, *замещающе-подчиняющая заботливость* лишает объекта заботы собственного умения быть.

Утверждение *заступнически-освобождающей заботливости* в рамках семейных взаимоотношений и отсутствие ее *индифферентного* («проходить мимо друг друга, не иметь дела друг до друга») и *дефективного* («быть друг против друга») модусов характерно для малой прозы А. Платонова второй половины 1940-х годов. Данный модус заботливости («быть друг за друга») позволяет героям произведений писателя преодолевать, объединяясь, тяготы послевоенного времени.

В рассказе «Возвращение» (1946) главный герой Алексей Иванов возвращается домой к своей семье и узнает, что его жена изменила ему с другим мужчиной. Преодолевая самолюбие, ради двоих детей и сохранения брака Алексей прощает ей эту измену:

«Прежде он чувствовал другую жизнь через преграду самолюбия и собственного интереса, а теперь внезапно коснулся ее обнажившимся сердцем» (Платонов, 2012а: 439).

Сердце «обнажено», «открыто» у героев рассказов писателя не только для собственных детей, но и для чужого, потерявшегося ребенка. Так, в «Житейском деле» (1947) Евдокия Гавриловна принимает к себе в семью мальчика Алексея Гвоздарева, которого долго и безрезультатно разыскивал его отец, пришедший с войны (Платонов, 2012а: 458).

В основе рассуждений Мити Климова из рассказа «Сухой хлеб» (1947) лежат категории *заступнически-освобождающей заботливости*. Герой Платонова хочет поскорее стать взрослым,

чтобы заменить в поле овдовевшую после войны мать, для этого даже пробует есть много хлеба, который, по его мнению, должен помочь ему быстрее расти (Платонов, 2012b: 153). По личной инициативе он с раннего утра рыхлит тяпкой почву, чтобы спасти урожай от засухи (Платонов, 2012b: 156-158).

Заступнически-освобождающая заботливость в прозе Платонова поствоенного периода не привязана к возрасту и социальным ролям: как мать заботится о ребенке, так и ребенок заботится о матери, стираются границы между своими и чужими детьми, дети примеряют на себя взрослые роли – Митя Климов из рассказа «Сухой хлеб» начинает работать в поле, а мальчик Петрушка в рассказе «Возвращение» вместо отца, ушедшего на фронт, становится главой семейства.

Выводы

Таким образом, в «смирненной прозе» Платонова широко представлен хайдеггеровский экзистенциал «забота». В рассказе «Такыр» мы находим *собственную* и *несобственную заботу*. *Несобственная забота*, в соответствии с философией Хайдеггера, обусловлена диктатом распоряжений усредненных и безликих людей (Man), вследствие чего в мотивации поведения и чувств герои исходят из обязанности, терпения и привычки, забывая прошлое и свое особое умение быть. *Собственная забота* как движение к нахождению себя раскрывается в рассказе в процессе взросления героини, ее постепенном понимании себя и осознании необходимости радикального отказа от диктата общества Man.

Преобладающими модусами *заботливости* в рассказе «Такыр» являются *индифферентный* и *дефективный*, под влиянием которых герои забывают, что такое любить. В то же время основными темами рассказов А. Платонова периода «смирненной прозы» являются любовь и семья. В рамках любовных взаимоотношений мужчины и женщины реализуется *позитивная заботливость* как в *замещающе-подчиняющей* («Река Потудань»), так и в *заступнически-*

освобождающей («Такыр») форме. В семье во взаимоотношениях родителей и их детей («Третий сын»), а также приемных родителей и детей-сирот («Юшка») герои реализуют свои возможности в *заступнически-освобождающей* форме *заботливости*, предоставляя детям свободу для нахождения ими собственного *умения быть*.

В прозе Платонова второй половины 1940-х годов утверждается *заступнически-освобождающая заботливость* во взаимоотношениях родителей и детей, основу которых составляет взаимопомощь и взаимная поддержка («Сухой хлеб»), преодоление каких бы то ни было конфликтов ради сохранения семьи («Возвращение»), забота не только о собственных, но и чужих, потерявшихся детях («Житейское дело»).

Литература

- Глушенкова, О.А. (2018). Деконструкция языка в советском ментальном пространстве в контексте экзистенциала «бытие к смерти» (на материале текстов А. Платонова). *Сибирский филологический форум*. Том 2 № 2. Красноярск, 41–48.
- Куницын, А.Г. (2017). «Забота» как онтологическая категория. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77): в 2-х ч. Ч. 1. 81–83. Режим доступа: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2017_3-1_22.pdf.
- Пенкина, Н.В. (2012). *Философские идеи прозы Андрея Платонова: проблема человека: Монография*. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та.
- Платонов, А.П. (2011). *Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы* [сост., подготовка текста, комментарии Н.В. Корниенко]. Москва: Время.
- Платонов, А.П. (2012а). *Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941–1945 годов* [сост., подготовка текста, комментарии Н.В. Корниенко]. Москва: Время.

- Платонов, А.П. (2012b). *Сухой хлеб: Рассказы, сказки* [сост., подготовка текста, комментарии Н.В. Корниенко]. Москва: Время.
- Фалёв, Е.В. (2008). *Герменевтика Мартина Хайдеггера*. С-Петербург: Алетейя.
- Хайдеггер, М. (2003). *Бытие и время* [пер. с нем. В.В. Бибихина]. Харьков: «Фолио».
- Эпштейн, М. (2015). Андрей Платонов. Между небытием и воскресением. *Ирония идеала: парадоксы русской литературы*. Режим доступа: <http://fibusta.site/b/415878/read>.

References

- Glushenkova, O.A. (2018). Dekonstrukciya yazyka v sovetskom mental'nom prostranstve v kontekste ehkzistenciala «bytie k smertl» (na material tekstov A. Platonova). *Sibirskij filologicheskij forum*. Tom 2 № 2. Krasnoyarsk, 41–48 [in Russian].
- Kunizyn, A.G. (2017). «Zabota» kak ontologicheskaya kategoriya. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. Tambov: Gramota, 2017. № 3 (77): v 2-kh ch. Ch. 1. 81–83. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2017_3-1_22.pdf [in Russian].
- Penkina, N.V. (2012). *Filosofskie idei prozy Andreya Platonova: problema cheloveka: Monografiya*. Nizhnevartovsk: Izd-voNizhnevart. gumanit. un-ta [in Russian].
- Platonov, A.P. (2011). *Schastlivaya Moskva: Roman, povest', rasskazy* (sost., podgotovka teksta, kommentarii N.V. Kornienko). Moskva: Vremya [in Russian].
- Platonov, A.P. (2012a). *Smerti net! Rasskazy i publicistika 1941–1945 godov* (sost., podgotovka teksta, kommentarii N.V. Kornienko). Moskva: Vremya [in Russian].
- Platonov, A.P. (2012b). *Sukhojkhleb: Rasskazy, skazki* (sost., podgotovka teksta, kommentarii N.V. Kornienko). Moskva: Vremya [in Russian].
- Falyov, E.V. (2008). *Герменевтика Мартина Хайдеггера*. SPb.: Алетейя [in Russian].

Khajdegger, M. (2003). Bytie i vremya. (per. s nem. V.V. Bibikhina). Khar'kov: «Folio» [in Russian].

Ehpshtejn, M. (2015). Andrej Platonov. Mezhdru nebytiem I voskreseniem. Ironiya ideala: paradoksy russkoj literatury. URL: <http://flibusta.site/b/415878/read> [in Russian].

Рукопис статті отримано 4 березня 2021 року

Рукопис затверджено до публікації 11 травня 2021 року

Інформація про автора

Ляпін Руслан Сергійович – аспірант кафедри української літератури та журналістики імені професора Леоніда Ушкалова Харківського національного університету імені Г.С. Сковороди; вул. Алчевських, 29, м. Харків, 61002, Україна; e-mail: joy.esenin@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-4920-0858>.